

УДК 130.121

ПРАВОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ**Богданов В.В., Макаренко С.Н., Байлов А.В.***ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, e-mail: wbogdanov@gmail.com*

Проведён анализ оснований необходимой связи между особенностями становления правового сознания и социальной идентификацией. Выявлены факторы, определяющие особую роль в формировании правового сознания процесса идентификации личности и социальной группы. Проблематизирована популярная у исследователей позиция о роли педагогической деятельности как в формировании правового сознания граждан, так и в стратегии идентификации. Обоснована необходимость методологической коррекции как понятия правового сознания, так и содержательного наполнения понятия социальной идентификации. Показана необходимая взаимообусловленность правового сознания и социальной идентификации как на стадии генезиса, так и на стадии становления. Аргументировано, что социальная идентификация не только опирается на основные атрибуты общественного сознания, относимые с нового времени к сфере права, но и носит не консервативный, а динамичный, рефлексивный характер. В полной мере динамическому характеру современного правового сознания соответствует столь же незавершенный характер современного процесса идентификации, которая, по справедливому замечанию П. Рикёра, была названа «повествовательной идентичностью», всегда обладающей intersubjective характером. Эта специфика социальной идентификации антропоцентризма позволяет рассматривать роль педагогической деятельности не в трансляции устойчивых базовых ценностей культуры, а в выработке технологий, механизмов критической рефлексии, которые способны эффективно адаптировать правовые константы под стремительно меняющиеся условия и социальные связи.

Ключевые слова: правовое сознание, свобода, право, идентичность, самоидентичность**LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF SOCIAL IDENTIFICATION****Bogdanov V.V., Makarenko S.N., Baylov A.V.***Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: wbogdanov@gmail.com*

The analysis of the bases of necessary communication between features of formation of legal consciousness and social identification is carried out. The factors determining a special role in forming of legal consciousness of process of identification of the personality and social group are revealed. Problem nature of a line item, popular with researchers, about a role of pedagogical activities both in forming of legal consciousness of citizens, and in identification strategy is revealed. Need of methodological correction as concepts of legal consciousness, and substantial filling of concept of social identification is proved. Necessary interconditionality of legal consciousness and social identification both at a genesis stage, and at a formation stage is shown. It is reasoned that social identification not only relies on the main attributes of public consciousness referred since modern times to the sphere of the right but also carries not conservative, but dynamic, reflective nature. Fully to dynamic nature of modern legal consciousness there corresponds so incomplete nature of modern process of identification which, according to the fair note of P. Rikyor, was called the «narrative identity» always possessing intersubjective nature. These specifics of social identification of anthropocentrism allow to consider a role of pedagogical activities not in broadcast of steady basic values of culture, and in development of technologies, mechanisms of a critical reflection which are capable to adapt effectively legal constants under promptly changing conditions and social communications.

Keywords: legal consciousness, freedom, justice, identity, self-identity

В отношении к генезису, природе и функциям правового сознания в исследовательских работах правоведов, социологов, культурологов и философов сложились определенные общие подходы. Одним из таких общих мест является констатация необходимой связи между особенностями становления правового сознания и социальной идентификацией. Однако, по сути, на этом конвенции исследователей в отношении правового сознания и идентичности и заканчиваются. «Правосознание, по сути, отражает идентификацию индивида, с одной стороны, с государством, с его установлениями, с ограничениями, накладываемыми обществом, с другой стороны, в широком смысле, это та часть ментальности, которая устанавливает нормы» [6, с. 44]. Понятия

правового сознания и идентификации начинают использоваться в широком смысле, их дефиниции подводятся под родовое понятие без спецификаций («структуры ментальности», «форма общественного сознания»), сущность взаимообусловленности правового сознания и идентичности «скрывается» за распространенным уверением в их «диалектической природе».

В зарубежных исследованиях взаимоотношения правового сознания с социальной и персональной идентичностью Х. Арендт, П. Бергера, Т. Лукмана, П. Рикёра, Р. Рорти, Ю. Хабермаса, В. Хёсле и др. необходимая связь постулируется, но не конкретизируется. Между тем от того, в какой традиции рассматриваются оба исследуемых понятия, зависит не только оценка

их теоретической значимости, не только их эвристический потенциал, но и характер практических действий, которые способны обусловить гармоничное взаимодействие и развитие механизмов правового сознания и социальной идентификации.

Правовое сознание как особенный объект исследования и объект необходимого педагогического контроля общепризнанно формируется в Западной Европе в эпоху нового времени. Приоритет правового регулирования в обществе и соответствующий ценностям права менталитет в XVII в. складывается на основе доминирования и реализации принципа свободы. Соответственно, особый статус приобретает в общественном сознании ментальная установка на самоопределение. Именно эта доминирующая в обществе интенция сознания и определяет особую роль в формировании правового сознания процесса идентификации личности и социальной группы. Отсюда же проистекает и установка на особую роль воспитательного процесса в формировании идентичности и становления правового сознания в процессе социализации. Если Т. Гоббс возлагал реализацию «вневременных» идей естественного права на мудрого правителя, то уже Дж. Локк и Б. Спиноза возлагали надежды на врожденный разум, образование и воспитание граждан.

Результатом этого образа мышления стало требование всеобщего, общеобязательного правосознания, которое к тому же должно опираться на всеобщий моральный принцип (кантовская «Критика практического разума» стала своевременным ответом на этот вызов эпохи нового времени). В рефлексии общезначимых принципов правового сознания обнаружила себя новая тенденция – приоритетный выход на первый план оснований «практического разума»: самодостаточного, действенного, «делового», инструментального, превосходящего, эффективного, полезного, властного, расчётливого и планомерного. Разум, мыслящий себя как «свой собственный проект», «сила» нуждается уже не просто в идентичности, а в самоидентификации. Вот с этого момента и начинаются расхождения в понимании природы, эволюции и даже в дефинициях правового сознания и социальной идентификации.

Начнем с определения правового сознания. В большинстве случаев правовое сознание определяется в той же традиции, к какой принадлежал Т. Гоббс, и в дальнейшем претерпевает изменения незначительные. Если проследить смысл, который вкладывался авторами в понятие правового сознания, начиная с Т. Гоббса, то обнаружится очень устойчивая тенденция рассма-

тривать правосознание, по сути, в легистской парадигме, несмотря на то, что по остальным вопросам авторы вполне могли и не разделять идеи легизма.

Независимо от дисциплинарной специфики традиция применения понятия правового сознания достаточно однозначна: правовое сознание это «совокупность взглядов на действующее право, на существующие правовые нормы» [3, с. 112]; «исторически сложившаяся в конкретном обществе система взглядов, идей, теорий, оценок, чувств, эмоций, отражающих субъективно психологическое отношение людей к действующему и желаемому (идеальному) праву и практике его реализации» [4, с. 281]; «совокупность взглядов, идей, выражающих отношение индивидов, социальных групп к наличному праву». Проблематичность такого определения была осознана уже в XIX в. Диалектика духа, согласно Г. Гегелю, реализуется не в отвлеченном мышлении человека или общества, а в опосредованном тождестве сущности и существования: «действительный дух сам обладает определенным сознанием своих принципов лишь постольку, поскольку они имеются для него налицо в качестве существующих» [5, с. 357]. Сознание, таким образом, является правовым в той мере, в какой определения права выступают в качестве существующих в наличном бытии. Соответственно, формализм существующих правовых определений, так называемые двойные стандарты в применении этих определений сужают сферу действия правового сознания до определений обыденного сознания. Иначе говоря, не существует вневременных, безусловных определений сознания, которые достаточно было бы просто транслировать и усваивать в процессе воспитания и социализации. Эти определения связаны с конкретными обстоятельствами и постоянно уточняются индивидуальной рефлексией в процессе самоидентификации.

Сознание всегда проявляет себя как свободная деятельность самоопределения. Определение же уже по своему понятию предполагает постановку границы и различия в своём объекте. Однако любое отношение, в том числе и отношение сознания к своему объекту, предполагает и обязательное единство с предметом. Именно в такой последовательности диалектическая традиция находит содержательную определенность сознания. Эта стадия развития рассудочного сознания такова, что один из моментов в силу своей большей достоверности часто возводится в абсолютный принцип. Уже Сократ убедительно продемонстрировал зависимость любого, претендующего

на истину тезиса от особенных условий и обстоятельств. Из этого следует, что никакие призывы к сознанию: «следовать закону», «поступать справедливо», «быть честным» и т.д. – не могут быть заранее вложены в него в качестве абсолютных ориентиров без учёта того, в каких обстоятельствах они должны осуществляться и получать содержательное наполнение. Сознание, если оно не застревает в догматизме, всегда заново решает вопрос об отношении к закону, понимании справедливости, уровне честности и т.д., а, следовательно, не могут быть продуктивны абстрактные и очень распространенные призывы к воспитанию, повышению культуры [7, с. 18] (фактически выработке привычки) правового сознания без предварительной рефлексии его устойчивых различий. Абсолютны не законы и принципы, а то, ради чего они создаются. Поэтому сколь ни популярны выражения типа «Суров закон, но закон» или обоюдные обвинения в «двойных стандартах», их содержание само обусловлено и требует обоснования в субстанциальном.

То последнее, существенное, ради чего возводится в ценность закон и порядок, должно выступить во всей определенности, пронизывать, соединять и подчинять все элементы системы. Этим субстанциальным для «действующего права» и являются справедливость, свобода и равенство. Поэтому представляется совершенно необходимым уточнение понятия правового сознания, которое дано В.В. Богдановым, И.А. Ковалёвым, согласно которому правовое сознание это «ценностно-нормативное сознание, возводящее в высший статус справедливость, равенство и свободу, объективно значимый императив, приоритетный по отношению к собственным потребностям, и рассматривающее с этих позиции систему наличного права, её тенденции и перспективы, социальные институты (государства, законности, правопорядка), степень оценки правовой защищенности, возможности самореализации субъекта» [2, с. 79]. Опираясь на это определение, авторы приходят к справедливому выводу о том, что «право представлено в качестве всеобщего содержания, через которое любое общество идентифицирует себя, поэтому правосознание пронизывает и определяет все особенные сферы социальности» [1, с. 364]. Однако определения эти не транслируются в неизменном виде в процессе социализации, а каждый раз рефлектируются индивидуальным сознанием в процессе собственной идентификации.

В отношении идентичности уточнению подлежат следующие аспекты. Согласно П. Рикёру, самотождественность проявляет

себя в форме повествовательной идентичности и выступает в качестве памяти о себе и своих корнях, выстраивание субъектом своего образа, единства и целостности, «ей присущи динамичность, процессуальность, обусловленные тем, что идентичность является собой результат социального или культурного конструирования» [8, с. 125–127]. То есть, таким образом, идентичность принципиально не завершена, динамика свойственна не только содержательному наполнению ценностных ориентиров правового сознания, но и процессу отождествления субъектом своей личности с соответствующим содержательным наполнением в зависимости от внешних условий и интерсубъективного диалога.

В современном постиндустриальном, информационном обществе правовое сознание формируется лишь на начальном этапе становления, опираясь на традиции. Его самоидентификационные определения больше не стремятся к устойчивой завершенности, ориентированы на постоянный интернациональный диалог и открыты для самых радикальных трансформаций. Потребности, границы допустимого изменяются уже не в процессе смены поколений, а в процессе он-лайн общения за короткие промежутки времени складывается социальный консенсус, при этом, не успевая подтверждаться опытом, императивы сознания могут меняться неоднократно. Правовое сознание современного пользователя Всемирной паутины реагирует на изменения раньше, чем формируются нормы позитивного права. Обыденная стратегия правового сознания опережает научную рефлексию. Свобода самосознания одного субъекта замыкается на свободу самосознания другого субъекта в добровольном договорном нормировании. В таком «триумфальном воцарении» договорных форм права, локальных конвенциональных определений равенства, справедливости и свободы резко снижается роль официальных версий социальной памяти. Одновременно увеличивается временной интервал исторической памяти, в котором потребности социальной идентификации находят свои основания. Источником таких идентификационных меморий становится уже не только определенным образом интерпретированная национальная история. Всё сложнее оказывается конструирование официального национального мифотворчества. Возможности глобальной сети непосредственно реализуются как при трансформации первичной социализации, так и в рамках механизма изменчивости идентификационных моделей.

Ориентируясь на процессы преимущественной гармонизации права, частное

право не связывает субъектов жёсткими обязательствами, не осложнено процедурным государственным бюрократизмом, в качестве оснований сближения демонстрирует не преимущества формализации и унификации, а востребованную мобильность, адаптируемость, быструю верификацию эффективности и границ возможного компромисса, субъективную, конвенциональную меру правовых атрибутов.

Гармонизация права направлена не только на устранение формальных правовых коллизионных норм, но и на снятие имманентного противоречия правового сознания между свободной формой и нормативным содержанием. Тенденция к унификации правовых норм носит характер не столько стремления к «одинаковости», сколько к сближению принципов, на основе которых реализуется правовое сознание, при этом смысл процесса приобретет противоположный вектор. Единство принципов правового сознания (справедливости, равенства и свободы) наиболее последовательно реализуется на базе сохранения основных различий в правовых системах. А в условиях глобализации это различие правовых систем может оказаться единственным средством сохранения общеправовых принципов. Только в этом случае международные правовые отношения не обречены на искусственную ситуацию принятия «окончательного решения» экспансию той или иной правовой системы.

Сохранение различия и многообразия в рамках диалектики оказывается жизненно важным не только для биологической, но и для социальной системы, повышая её возможности адаптации к быстро изменяющимся условиям, а для сознания выступает единственным инструментом свободного самоопределения. Поэтому не в международной унификации, а наоборот, в различии правовых систем и стратегии гармонизации права диалектика правового сознания приходит к разрешению имманентных противоречий.

Таким образом, сетования современных правоведов и социологов по поводу «правового нигилизма», призывы педагогов к воспитанию правового сознания на самом деле не в полной мере учитывают и диалектику становления самого правосознания, и механизмы становления идентичности. В таком случае дело не в том, что сознание выступает негативно к праву как таковому, а в том, что действующее законодательство не обнаруживает в себе в достаточной и прозрачной форме обязательных атрибутов прав — справедливости, равенства и свободы. Это значит, что не в самой идентификации отсутствуют правовые интенции, а процесс

самоидентификации происходит параллельно и независимо от презентуемых позитивными нормами ценностей и лишен обратной связи. Это значит, что сами социализация и воспитание выстраиваются по догматическим схемам, не соответствующим динамической, критической, рефлексивной природе сознания как такового.

Список литературы

1. Богданов В.В., Ковалёв И.А. Диалектическая природа правового сознания // Фундаментальные исследования. — 2013. — № 11. (Часть 2). — С. 362–368.
2. Богданов В.В., Ковалёв И.А. Противоречия правового сознания и проблема социального прогнозирования. — Таганрог: ЮФУ, 2014. — 160 с.
3. Большая актуальная политическая энциклопедия. — М.: Эксмо, 2009.
4. Большой юридический словарь. — М.: Проспект, 2009.
5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. — М.: Мысль, 1977. — 471 с.
6. Калинина Е.Ю. Ментальность и правосознание // Вестник Пермского университета. — Вып. 3 (17). — 2012.
7. Кваша А.А. Правовые установки граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2002.
8. Лысак И.В., Косенчук Л.Ф. Формирование персональной идентичности: механизмы и условия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10–3 (48).

References

1. Bogdanov V.V., Kovaljov I.A. Dialekticheskaja priroda pravovogo soznaniya // Fundamentalnye issledovaniya. 2013. no. 11. (Chast 2). pp. 362–368.
2. Bogdanov V.V., Kovaljov I.A. Protivorechija pravovogo soznaniya i problema socialnogo prognozirovaniya. Taganrog: JuFU, 2014. 160 p.
3. Bolshaja aktualnaja politicheskaja jenciklopedija. M.: Jeksmo, 2009.
4. Bolshoj juridicheskij slovar. M.: Prospekt, 2009.
5. Gegel G.V.F. Jenciklopedija filosofskih nauk. T. 3. Filosofija duha. M.: Mysl, 1977. 471 p.
6. Kalinina E.Ju. Mentalnost i pravosoznanie // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 3 (17). 2012.
7. Kvasha A.A. Pravovye ustanovki grazhdan: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2002.
8. Lysak I.V., Kosenchuk L.F. Formirovanie personalnoj identichnost: mehanizmy i uslovija // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. no. 10–3 (48).

Рецензенты:

Музыка О.А., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и социологии права, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал), Ростовский государственный экономический университет, г. Таганрог;

Щеглов Б.С., д.ф.н., профессор кафедры философии и социологии права, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал), Ростовский государственный экономический университет, г. Таганрог.